

О научной психологической школе А. В. Петровского в Московском городском психолого-педагогическом университете

М. Ю. Кондратьев

**доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, декан факультета социальной психологии
Московского городского психолого-педагогического университета**

Статья посвящена содержательной характеристике научной психологической школы А. В. Петровского в МГППУ, являющейся теоретико-методологической базой научно-исследовательской работы и образовательного процесса на факультете социальной психологии и научной деятельности достаточно широкого «незримого колледжа» научной школы А. В. Петровского. В рамках статьи последовательно рассматриваются ключевые содержательные позиции теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах, концепции персонализации, социально-психологических моделей вхождения личности в референтную группу и восхождения личности к своей социальной зрелости, трехфакторной модели «значимого другого». Именно эти теоретические построения и концептуализированные модели в первую очередь и задают реальный потенциал эвристичности научной психологической школы А. В. Петровского. Кроме того, в заключение статьи в самой сжатой конспективной форме приводятся доказательства, что и сегодня на базе МГППУ научная психологическая школа А. В. Петровского продолжает набирать свою эвристичность и обеспечивает научно-исследовательскую и образовательную эффективность крупного современного научного коллектива.

Ключевые слова: *научная психологическая школа, стратометрическая концепция, теория деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах, концепция персонализации, социально-психологические модели вхождения личности в референтную группу и восхождения личности к социальной зрелости, трехфакторная модель «значимого другого».*

Научная психологическая школа А. В. Петровского отражает прежде всего развитие социально-психологической науки у нас в стране, и, следовательно, своим зарождением и самыми начальными этапами своего становления связана с 70-ми гг. прошлого века. Именно в середине 70-х гг. была окончательно сформулирована «стратометрическая концеп-

ция группового развития», которая в дальнейшем, в ходе последовательного развития, получила ставшее в 80-х гг. общепринятым название «теория деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах». По сути дела, решающим фактором, который «спровоцировал» создание концептуализированной модели группового

развития по А. В. Петровскому, явилось то, что на момент формирования отечественной социальной психологии как полноценной научной отрасли в СССР сложилась ситуация невозможности и неправомочности прямой экстраполяции в сферу советской психологической исследовательской практики закономерностей и зависимостей, характеризующих процесс группового развития, которые ранее были зафиксированы и описаны зарубежными исследователями. Это было связано с целым рядом обстоятельств.

Советские социальные психологи, уже в 70-е гг. начавшие активно разрабатывать проблематику интра- и интергрупповой жизнедеятельности, не могли, с одной стороны, в связи с существующими идеологическими ограничениями, а с другой — в связи с реальным несовпадением целого ряда особенностей межличностных отношений в ученических, производственных, спортивных, воинских группах в СССР и в странах Запада — напрямую пользоваться и интерпретационными клише, и методическим инструментарием, с помощью которых проводились основные исследования большинства зарубежных социальных психологов.

Но если обратиться к психологической сущностной стороне вопроса, становится понятно, что не только и даже не столько эти ограничения обеспечили в последней четверти XX в. формирование новой отечественной парадигмы рассмотрения социально-психологической природы процессов интрагрупповой жизнедеятельности и группового развития. Главным было то, что в подавляющем большинстве случаев зарубежные ученые работали с экспериментальными

группами, т. е. созданными согласно плану конкретного исследования и для прояснения столь же конкретной эмпирической задачи. В связи с этим, как правило, система отношений между членами группы практически не была связана со специфической (и при этом значимой как в личностном, так и в социальном плане) групповой деятельностью. Более того, понятие «деятельность», будучи на сегодняшний день одной из основных категорий отечественной психологии, не рассматривается в качестве базовой переменной, если говорить об исследовательской деятельности психологов США и большинства стран Западной Европы. В их логике оценки детерминант межличностных отношений членов тех или иных сообществ на первом плане оказались системы контактов непосредственного межиндивидуального характера, не связанные с собственно реальной деятельностью и имеющие по преимуществу аттракционное содержание по типу «симпатия-антипатия». В то же время очевидно, что система отношений в реально функционирующих контактных группах их членов практически никогда не исчерпывается столь поверхностным коммуникационным основанием.

О теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах и концепции персонализации

Анализ огромного количества зарубежных социально-психологических источников и работ отечественных авторов, проводивших в те годы исследования процесса группового развития, позволил А. В. Петровскому выявить, опре-

делить, описать базовые положения (а в дальнейшем эмпирически и экспериментально подтвердить их справедливость) теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах [17; 18 и др.].

Во-первых, групповая активность характеризуется стратометрической (многослойной) структурой. На периферии оказываются ценности и отвечающая им поведенческая активность, напрямую не связанные и практически никак не опосредствованные целями, задачами и содержанием групповой совместной деятельности. Ближе к групповому «ядру» находятся ценностный и отношенческо-межличностный пласт, в той или иной степени (во многом в зависимости от уровня социально-психологического развития конкретного сообщества) опосредствованные целями, задачами и содержанием групповой деятельности. Этот структурный слой как бы «прогревает» поверхностную «оболочку», порой в решающей степени определяя характер и самих аттракционных отношений. И, наконец, «ядерный» слой, т. е. ценности, которые напрямую «завязаны» на специфику групповой деятельности, ее социальную значимость и особые условия ее успешного выполнения.

Во-вторых, определяющим постулатом, лежащим в основе теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах, является тот факт, что любое сообщество имеет обуславливающую его жизнедеятельность характеристику — уровень социально-психологического развития. В рамках теории деятельностного опосредствования обоснованно определены семь основных качественных точек группового развития, характеризующих

группу высокого уровня развития типа коллектива, просоциальную и асоциальную ассоциации, просоциальную и анти-социальную кооперации, корпоративную группировку и диффузную группу (рис. 1). Наиболее последовательно и подробно классификация реально функционирующих контактных групп, построенная на основе уровня их социально-психологического развития, обоснована и описана в двух коллективных монографиях под редакцией А. В. Петровского (Психологическая теория коллектива. М., 1979; Психология развивающейся личности. М., 1987).

Эвристичность теории деятельностного опосредствования межличностных

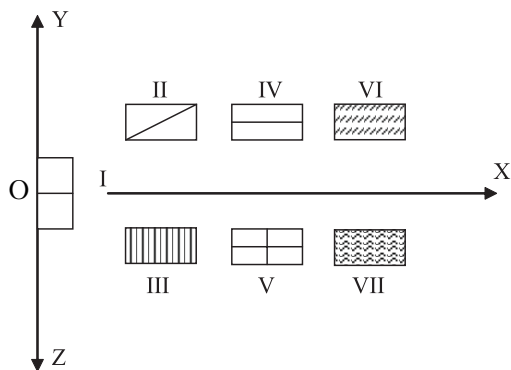

Рис. 1. Группы разного уровня развития в рамках условного локального пространства, по А. В. Петровскому:

OX — степень опосредованности межличностных отношений в группе целями, содержанием и задачами групповой деятельности; OY — степень просоциальности групповой деятельности; OZ — степень асоциальности и антисоциальности групповой деятельности; группа I — диффузная, или номинальная; группы II и III — просоциальная и асоциальная ассоциации; группы IV и V — просоциальная и антисоциальная кооперации; группа VI — коллектив; группа VII — корпорация

отношений проявилась, в частности, в том, что на более позднем этапе своего развития, уже в 80–90-е гг. XX в., она выступила теоретико-методологической базой и отправной точкой создания концепции персонализации [14–16 и др.]. Именно эти две концептуальные схемы, одна из которых — теория деятельностного опосредствования, а вторая — концепция персонализации, по сути, «дочерняя» по отношению к теории деятельностного опосредствования концептуальная модель социально-психологического развития личности, и выступают в качестве хоть и самоценных, но принадлежащих к одной и той же целостной научной психологической школе теоретических построений, что позволяет в содержательном единстве позиций рассматривать «групповое» как «личностное» и «личностное» как «групповое».

Говоря о концепции персонализации как некоем теоретическом построении, позволяющем объективно оценить процессы личностного развития в условиях как малой группы, так и широкого социума, следует остановиться на основных, базовых позициях этой концептуальной модели. Личность как субъект межличностных отношений представляет собой своеобразное единство трех ипостасей существования собственно личности и личности: «Личность как относительно устойчивая совокупность интраиндивидуальных ее качеств: симптомокомплексы психических свойств, образующих ее индивидуальность, мотивы, направленности личности..., структура характера личности, особенности темперамента, способности...; личность как включенность индивида в пространство межиндивидуальных связей, где взаимоотношения и взаимодействия, возникающие

в группе, могут трактоваться как носители личности их участников...; личность как “идеальная представленность” индивида в жизнедеятельности других людей, в том числе и за пределами их личного взаимодействия, как результат активно осуществляемых человеком смысловых преобразований интеллектуальной и аффективно-потребностной сфер личности других людей» [14, с. 6]. Согласно этой концепции, индивид испытывает закономерную социально детерминированную потребность «быть личностью», т. е. быть в максимально возможной степени «идеально представленным» в сознании других людей (в первую очередь, «значимых других»), при этом прежде всего и более всего теми своими особенностями, гранями индивидуальности, которые он сам ценит в себе. Потребность «быть личностью» может быть удовлетворена лишь при наличии способности «быть личностью». Разрыв, «вилка» между потребностью и способностью может привести к серьезным нарушениям процесса личностного развития, качественно искривить линию личностного роста, нарушить общую поступательную направленность движения к подлинной социальной зрелости.

Если говорить о научной психологической школе А. В. Петровского, то в собственно теоретическом плане ее основа никак не исчерпывается исключительно теорией деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах и концепцией персонализации. Более того, подавляющее большинство конкретных эмпирических и экспериментальных исследований, в последние годы осуществляемых в рамках научной психологической школы А. В. Петровского, в частности, на базе

факультета социальной психологии МГППУ, в теоретическом плане отталкиваются от основных положений таких «дочерних» по отношению к теории деятельности опосредствования и концепции персонализации социально-психологических моделей, как социально-психологические модели вхождения личности в референтную для нее группу, восхождение личности к своей социальной зрелости и социально-психологическая трехфакторная модель «значимого другого» [10; 12; 13; 19; 20 и др.].

Именно поэтому в данной статье имеет смысл хотя бы в краткой форме остановиться на базовых позициях этих концептуализированных моделей.

О социально-психологических моделях вхождения личности в референтную для нее группу и восхождения личности к своей социальной зрелости

Что касается собственно развития личности, этот процесс невозможно представить себе иначе, как вхождение, «вживание» индивида в социум, как определенную смену, череду освоения им различных общностей, членство в каждой из которых является определенным этапом, своеобразной вехой на пути становления индивида как личности. Говорить о стабильности, постоянстве этой социальной среды можно только условно и лишь тогда, когда речь идет исключительно о том личностно-развивающем влиянии, которое оказывает на индивида система межличностных отношений в некоем более или менее широком спектре относительно константных и при этом референтных для него групп.

Развитие личности в такой относительно стабильной социальной среде, а точнее, в такой социальной общности «подчинено психологическим закономерностям, которые с необходимостью воспроизводятся относительно независимо от специфических характеристик той общности, в которой оно совершается» [12, с. 80]. Другими словами, вне зависимости от возраста индивида и социально-психологических особенностей группы его членства он поставлен, по сути дела, перед фатальной необходимостью пройти четко определенные, универсальные фазы вхождения в общность, последовательно решая встающие перед ним по мере нарастания потребности «быть личностью» личностные задачи.

На первом этапе внутригрупповой жизни индивида (эту стадию традиционно обозначают как фазу адаптации) основные его усилия направлены на усвоение господствующих в данном конкретном сообществе норм и правил, на ознакомление со специфичными для группы ценностями, на овладение способами и средствами активности, которыми уже владеют его новые партнеры по взаимодействию и общению. Иначе говоря, у индивида возникает в большей или меньшей степени выраженная потребность «быть таким, как все», стремление не отличаться от других, в определенном смысле «раствориться» в группе, чувствовать себя ее полноправным членом и ощущать признание этого факта остальными членами сообщества.

В то же время решение чисто адаптационных задач на определенном этапе вступает в явное противоречие со свойственным каждой личности стремлением подчеркнуть свою индивидуальность, неповторимость, утвердиться своими особенностями, которые она расценива-

ет как наиболее для себя ценные и значимые. Это тем более важно, что успешная адаптация индивида в группе, достижение им цели «быть таким, как все» нередко приводят к субъективно переживаемому им самим чувству некой личностной растворенности в сообществе, к иллюзии потери своей индивидуальности. Все это на определенном этапе внутригрупповой жизни данного индивида предопределяет принципиальную смену его личностной задачи: стремление «быть таким, как все», окрашивающее весь этап адаптации, оказывается разрушенным мощной установкой на доказательство своей уникальности — на первый план выступает стремление «быть не таким, как все», что, в конечном счете, и является психологической сутью второго этапа вхождения личности в группу, стадии индивидуализации. Понятно, что далеко не всегда индивид, подстегиваемый желанием как можно скорее персонализироваться и тем самым как бы сбросить с себя имидж неразличимого среди других, «среднего» члена группы, предъявляет общности только те формы своей активности и грани индивидуальности, которые данная общность готова признать и принять как несомненно ценные и важные для себя, как соответствующие нормам, правилам и перспективам своей жизнедеятельности. Более того, достаточно часто группа откровенно жестко санкционирует индивида, не усвоившего правила общности на адаптационном этапе, и принуждает его вернуться к самому началу своей внутригрупповой «карьеры», чтобы по-новому пройти испытания, позволяющие считаться «таким, как все». В этом случае следует говорить о факте дезадаптации личности в группе своего членства.

Если же и при повторных попытках индивид не выказывает желания или способности найти «золотую середину» между тем, что значимо для сообщества и что особенно ценно для него самого, и продолжает настойчиво осуществлять личностные «вклады», несовместимые с групповыми нормами, он оказывается либо изолированным среди своих товарищей, либо вообще подвергается своеобразному остракизму, вытесняется из группы. В этом случае вполне закономерно говорить о дезинтеграции личности в группе своего членства.

Понятно, что в ситуации, когда личность оказывается способной привести свою потребность в персонализации в соответствие с готовностью группы принять лишь те личностные проявления своего нового члена, которые обеспечивают ей поступательное развитие и облегчают решение общегрупповых задач ее жизнедеятельности, происходит интеграция такого индивида в группу своего членства.

Однако это ни в коей мере не означает, что процесс интеграции (также, как и адаптации) может быть сведен лишь к пассивному приспособлению индивида к требованиям сообщества, в жизнь которого он включается. В большей или меньшей степени практически всегда общность, испытывая влияние новой для себя личности, трансформирует свои потребности и, изменяясь, развивается.

Говоря об особенностях личностного роста в относительно стабильной группе, необходимо помнить, что неизменность социальной ситуации развития (даже в рамках предельно короткого срока), по меньшей мере, условна. Объясняется это следующими обстоятельствами. Во-первых, любой человек практически

всегда является одновременно членом различных референтных для него групп, нормы и ценности которых далеко не обязательно совпадают между собой (это как бы «горизонтально-временная» нестабильность), а во-вторых, сами эти референтные группы находятся в процессе непрерывного развития, что превращает представления об их константности, а значит, и о неизменности социальной ситуации развития индивида — их члена — в своего рода иллюзию (это как бы «вертикально-временная» нестабильность). Таким образом, личность «формируется в результате последовательного включения в различающиеся по уровню развития общности, доминирующие на разных возрастных ступенях, и развитие личности определяется процессом развития группы, в которой она интегрирована» [12, с. 84].

Понятно, что в этой логике появляется принципиально новая возможность увидеть движущие силы, механизмы и детерминацию процесса возрастного развития личности. По сути, здесь может быть осуществлено рассмотрение модели сформулированного процесса достижения желаемого, не описан путь «должного» складывания личности на бумаге инструкций и предписаний, а проанализировано реальное положение дел, раскрывающее не только то, что должно произойти, если «все пройдет, как было запланировано», но и то, что реально происходит, и то, что может произойти (и, к сожалению, происходит нередко), несмотря на то, «как планировалось и для чего делалось», но в полной зависимости от того, «как действительно делается».

В этом плане кратко обозначенные выше закономерности, отражающие со-

циально-психологическую специфику вхождения личности в группу, в целом вполне могут быть использованы в качестве некоего теоретического алгоритма, позволяющего прояснить и осознать именно социально-психологически содержательную сущность процесса личностного становления в онтогенезе, т. е. в определенном смысле рассмотреть процесс вхождения индивида в конкретную группу как своеобразный прообраз процесса восхождения к социальной зрелости, или, что практически то же самое, вхождения развивающейся личности во «взрослый мир».

Адаптация, индивидуализация, интеграция — самоценные фазы вхождения индивида в относительно стабильную группу (рис. 2). Детство, отрочество (подростничество), юность — самоценные эпохи эры восхождения к зрелости (рис. 3). Совершенно очевидно, что это не синонимичные, не тождественные ря-

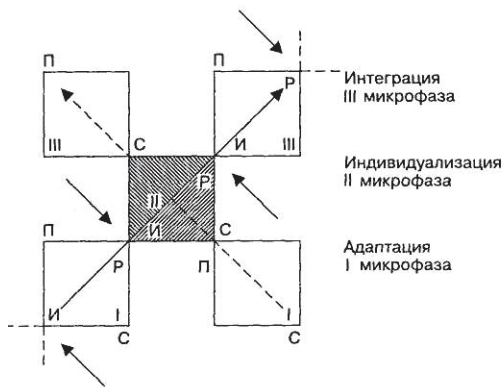

Рис. 2. Модель развития личности в группе, по А. В. Петровскому:

П — потребность «быть личностью»; С — способность «быть личностью»; И — исходный уровень развития; Р — результат развития, достигнутый на данной фазе; сплошная стрелка — просоциальное развитие; пунктирная стрелка — асоциальное развитие

ды. И все же совпадающая последовательность чередования ведущих личностных задач и тенденций личностного развития позволяет обоснованно и, главное, эвристично осуществить экстраполяцию закономерностей, отражающих специфику вхождения личности в референтную группу, в область анализа собственно личностно-возрастного развития и в социально психологическом «ключе» прояснить комплекс вопросов, связанных с проблематикой возрастной периодизации развития личности.

По-видимому, развернутое разъяснение и комментирование совокупности психологических сложностей и тонкостей, характеризующих предложенную А. В. Петровским социально-психологическую концепцию возрастного развития личности, здесь были бы нецелесообразными, но все же хотя бы вкратце охарактеризуем каждую из эпох эры восхождения личности к своей социальной зрелости.

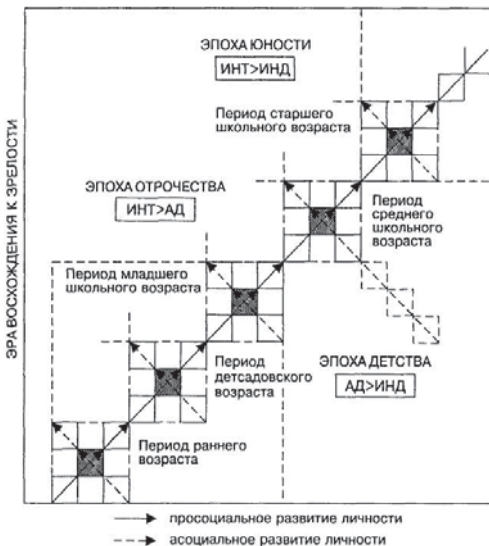

Рис. 3. Возрастная периодизация развития личности, по А. В. Петровскому

Итак, эпоха детства. Самая протяженная во времени из всех трех эпох восхождения к зрелости — от 0 до 11 лет. Здесь и период раннего детского возраста с характерными для него задачами усвоения и освоения элементарных навыков, овладения языком, умения выделить себя среди окружающих и, наконец, выработки способности управлять собой, учитывать позицию других, подчиняться старшим. За ним следует период детсадовского возраста с характерными для него задачами усвоения правил принимаемого взрослыми поведения, взаимодействия со старшими и сверстниками, обретения навыков самостоятельности и инициативности, овладения способами и приемами проявления и предъявления своей личностной неповторимости и уникальности в таких формах и в таком содержании, которые допускаются и признаются родителями, воспитателями и другими взрослыми как вполне соответствующие возрастной норме поведения. Хронологически завершает эпоху детства период младшего школьного возраста с характерными для него задачами усвоения все более усложняющихся правил поведения в рамках системы взаимоотношений «ребенок — взрослый» (и прежде всего «ученик — педагог»), достижения индивидуальной успешности в условиях коактивной учебной деятельности со сверстниками («рядом, но не вместе»), завоевания персональной позиции, при этом не только и даже не столько ролевой, сколько собственно личностной представленности в сознании референтных взрослых.

Каждый из этих периодов в качестве второй своей фазы содержит собственно индивидуализационный момент: 1) раннее детство — умение выделить себя сре-

ди окружающих, появление противопоставления себя другим по типу «я», «мое» и т. д.; 2) детсадовское детство — обретение навыков самостоятельности и инициативности вне зависимости, проявляется это в форме созидательно-творческой активности или в необъяснимых, на первый взгляд, непослушании и капризах; 3) младший школьный возраст — попытки выделиться в ученической группе для обретения «различимости» в глазах взрослых.

Но несмотря на явное несовпадение преимущественных, первостепенных и предметных, и личностных задач, характеризующих психологическую специфику различных периодов детства, вся эта эпоха в целом отличается превалярованием адаптации над индивидуализацией. Стремление же выделиться, индивидуализироваться как необходимая составляющая процесса реализации потребности в персонализации в данном случае в известном смысле играет подчиненную, зависимую роль. На этой ступени онтогенеза развивающаяся личность прежде всего решает задачу «быть такой, как все», старается усвоить нормы и ценности мира, в который она «вживляется» и ориентируется при этом на тех, кто в этом мире уже «свой», — на взрослых, на их мнение, оценку, позицию. Таким образом, совершенно очевидно, что эпоха детства, включая и завершающий ее период — младший школьный возраст, — проходит под «знаком» преимущественной адаптации. Заметим, что данный «знак», скорее, связан с процессом активного усвоения и освоения норм и правил жизнедеятельности социума, чем с пассивным приспособлением к ним.

Что касается подростка, то он решает принципиально иную социогенную лич-

ностную задачу — «быть не таким, как все», т. е. в данном случае стремление к индивидуализации явно превалярует над стремлением к адаптации. Более того, на этом этапе происходит качественное изменение ориентации отношений межличностной значимости развивающейся личности. Именно система межличностных отношений «учащийся—педагог» становится зависимой от системы отношений «учащийся—значимый сверстник».

Что касается эпохи ранней юности, то нельзя не подчеркнуть, что это эпоха как психологический возраст в норме явно не укладывается в хронологические рамки школьной жизни. Как правило, старший школьный возраст принято связывать с периодом ранней юности. Но уже на этом этапе своего развития растущий человек, находясь в преддверии взрослой жизни, начинает решать задачи собственно интрегационного характера, во многом определяющие не столько степень успешности его восхождения к зрелости, сколько уже саму эту зрелость, перспективы своего бытия как личности в последующие годы, а иногда и десятилетия. В конечном счете юность венчает эру восхождения к зрелости и существенно отличается от предыдущих периодов развития личности: 1) здесь уже нет признаков эпохи детства, когда мир «завтра» все же осваивается еще как чужой, в который предстоит войти лишь когда-то потом, а сегодня необходимо на доступном для себя уровне даже не столько понять принципы его существования и жизнедеятельности, сколько примериться к требованиям, которые он предъявляет и имеет право предъявлять тебе и твоим сверстникам; 2) это уже и не эпоха отрочества, когда проверяется твоя «понятливость» в дет-

стве, правильность усвоения норм и ценностей «взрослого мира» и степень адекватности формы и содержания твоих предъявлений своей личности, способность быть значимым и для сверстников и для старших в качестве потенциального в недалеком будущем полноправного представителя социума.

В рамках эпохи юности период ранней юности в случае бесконфликтного последовательного восхождения формирующейся личности к своей зрелости, будучи, с одной стороны, стадией интеграции индивида в «мире детства», с другой стороны, является этапом адаптации во «взрослом мире». Другими словами, конец детства — это одновременно и начало взрослости, а степень интегрированности юноши среди своих сверстников в решающей степени предопределяет его успешную адаптацию в дальнейшем, спокойное и естественное «вживание», «вживание» молодого человека в широкое социальное окружение.

О трехфакторной модели «значимого другого»

Совершенно очевидно, что именно отношения межличностной значимости оказываются той «лакмусовой бумажкой» и содержательной призмой, которые позволяют, с одной стороны, определить характер взаимоотношений в реально функционирующем сообществе в целом, а с другой — не прибегать к тотальному обследованию группы и ограничиться вполне информативной эмпирикой, полученной с помощью анализа именно отношений межличностной значимости, в которых как в отдельно взятой молекуле вещества отражены прак-

тически все его определяющие особенности. Понятно, что в этом плане первостепенным является вопрос об основаниях межличностной значимости, позволяющих четко и обоснованно дифференцировать партнеров по взаимодействию и общению, которые и являются собственно значимыми для человека и тех, кто не может претендовать на это звание. Исходя из реальной истории исследовательской практики, можно выделить три основных направления такой значимости, сложившихся достаточно стихийно, — аттракция, «референтность—авторитетность», власть.

Довольно длительное время в силу целого ряда обстоятельств и в первую очередь в связи с различными исследовательскими задачами достаточно легко выделяемые три стихийно сложившихся основных направления изучения «значимого другого» почти не пересекались и существовали как бы независимо друг от друга. В то же время появление и разработка концепции персонализации и метода отраженной субъектности позволили А. В. Петровскому построить трехфакторную модель «значимого другого» [2; 8; 13 и др.], т. е. рассмотреть все три указанных критерия значимости, что называется «в связке», как генерализованные и в целом независимые основания возможной значимости одного человека для другого. В логике концепции персонализации речь идет о «трех формах метаиндивидуальной репрезентации личности значимого другого»; иными словами, в данном случае фиксируются не какие-то «узкоиндивидуальные характеристики этого «значимого другого»..., а его идеальная представленность в тех, с кем он имеет дело, его отраженная субъектность..., т. е. собственно личностные проявления» [13, с. 6].

Рассмотрим несколько подробнее собственно социально-психологическое содержание каждого из трех факторов значимости, оценивая при этом и емкость условного трехмерного пространства, которое складывается при построении заявленных координат (рис. 4).

Первый из рассматриваемых А. В. Петровским критериев значимости другого — его оценка по шкале «референтность — авторитетность» (в схеме на рис. 4 этот двунаправленный вектор обозначен как $OP+$ и $OP-$) для партнера, т. е. степень его идеальной представленности в сознании последнего в качестве лица, чье мнение значимо для него либо как информация к размышлению, либо как существенный ориентир для принятия решения, либо как прямое руководство, безоговорочное указание к действию в жизненно важной ситуации.

Отметим, что речь идет не об анализе на интраиндивидуальном уровне каких-то

индивидуально-психологических характеристик, якобы обеспечивающих субъективную значимость одного человека для другого, а о метаиндивидуальной репрезентации личности значимого другого. Понятно, что наличие наиболее выраженной, яркой формы метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого» (его авторитетности), откладываемой на векторе $OP+$, предполагает возможность, а следовательно, и необходимость нахождения на этом векторе и других узловых точек, отражающих качественные этапы процесса становления отношений авторитетности. Такие точки были выявлены и соотнесены в ходе многолетней экспериментальной работы — «индивид — значимый источник информации» и «индивид — референтное лицо». Соответственно, и на векторе $OP-$ могут быть обозначены узловые точки, отражающие качественные этапы процесса становления отношений антиреферентности — «индивид — антиреферентное лицо», «индивид — антиавторитетное лицо».

Вторая форма метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого», которая рассматривается в рамках трехфакторной модели, — это аттракция, т. е., по сути, эмоциональный аспект идеальной представленности человека в сознании окружающих, его привлекательность или то отчуждение, отторжение, а может быть, даже и неприязнь, враждебность, которые он вызывает в других. Попросту говоря, векторы $OA+$ и $OA-$ соответствуют отношенческому континууму, полюсами которого являются «дружественность» и «враждебность». Кроме того, на оси «Аттракция» особого внимания заслуживает точка O , и не только для понимания особенностей

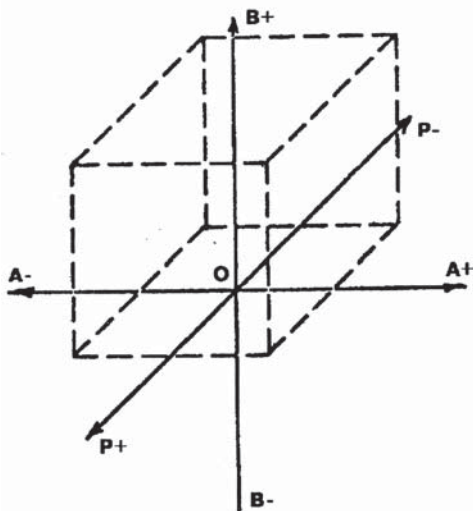

Рис. 4. Трехфакторная модель «значимого другого», по А. В. Петровскому: В — власть, А — аттракция, Р — референтность

именно отношений значимости, но и в связи с тем, что ее нахождение на оси лишней раз напоминает об одной практически неизученной категории членов реальных естественных малых групп (в контексте социометрической процедуры) — неизбираемых членов группы, неизбираемых, даже если количество выборов не было ограничено экспериментатором.

И, наконец, третья форма метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого», тщательный учет которой предусмотрен работой с трехфакторной моделью, — институционализованная роль (ось ОВ+ — ОВ-). В отличие от авторитета, отражающего собственно личностное, как бы «внеролевое» влияние «значимого другого» («власть авторитета»), в данном случае имеется в виду «авторитет власти», или авторитет роли, наличие которой и обуславливает значимость одного человека для другого. Подобная сторона субъективной значимости ни в коей мере не предполагает как обязательное свое основание авторитет личности носителя роли или его эмоциональную привлекательность для окружающих, хотя в то же время, конечно, и не предопределяет ни его низкий эмоциональный статус, ни отсутствие его личностной значимости. В этом плане нельзя не согласиться с А. В. Петровским, что «разрушение той или иной организации автоматически отключает механизмы действия институционализованных ролей, точно так же выход носителя институционализованной роли, к примеру из служебной иерархии, лишает его статуса «значимого другого» для его сослуживцев. Это происходит ... , если его служебный статус не сочетался с более глубинными личностными характеристика-

ми — референтностью и аттракцией» [13, с. 8—9].

Казалось бы, что в контексте ролевой принадлежности говорить о «значимом другом» имеет смысл лишь в том случае, когда исполняемая роль лежит где-то на векторе ОВ+ и воспринимается окружающими как таковая, так как, на первый взгляд, ролевой статус со знаком «минус» безоговорочно исключает его обладателя из числа, если так можно выразиться, значимых для других ролевых исполнителей. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация оказывается не столь однозначной. Можно без особого труда привести достаточно большое число примеров, когда значимость другого во многом определяется именно «приниженностью» его роли и появляющейся в связи с этим у вышестоящего возможностью притеснять его и эксплуатировать, удовлетворяя тем самым свои потребности и решая посредством этого значимые, а порой и жизненно важные для себя проблемы.

Еще на одном моменте необходимо остановиться особо. Дело в том, что настойчивое подчеркивание А. В. Петровским именно институционализованного характера роли как бы жестко ограничивает эвристический потенциал данного теоретического построения рассмотрением отношений значимости лишь в формальных сообществах и применительно только к взаимоотношениям в рамках официальной, а проще говоря, должностной структуры, где существующая «табель о рангах» позволяет безошибочно определить фиксированный ролевой статус каждого партнера по взаимодействию и общению. Таким образом, возникает иллюзия, что трехфакторная модель «значимого другого» в ка-

честве теоретического алгоритма не может быть использована ни для анализа значимых неформальных отношений в рамках официальных групп, ни тем более для определения характера межличностной значимости в неофициальных группах. В действительности дело обстоит прямо противоположным образом.

Так, легко заметить, что возникающие в рамках официальных групп неформальные сообщества не являются полностью независимыми от официальной структуры: в одних случаях их неформальная структура вообще является слепком формальной, в других — строится как бы «от противного». Но при любом варианте «неформальный расклад» испытывает на себе то или иное влияние официальной иерархии в группе, усиливающееся еще и тем, что каждый член неформального сообщества, возникающего в рамках официальной группы, играя определенную роль в неформальной структуре, является одновременно и носителем институализированной роли. Что же касается неформальных объединений людей, стихийно складывающихся вне официальных структур, здесь возникает неоднозначная ситуация. Если речь идет о дружеской компании, то на неофициальную статусно-ролевую позицию каждого из членов существенное, а порой и решающее влияние оказывают характеристики его официального положения в обществе (род занятий, отношения с правоохранительными органами, социальный статус родственников и т. п.). Активно функционирующие криминальные сообщества вообще могут быть отнесены к классу неформальных групп лишь условно. В данном случае мы сталкиваемся именно с организацией, характеризующейся своеобразной

«служебной иерархией» и отлаженным механизмом действия институализированных ролей. Иное дело, что эти организации — институты, как принято говорить в пенитенциарной науке, «другой жизни», другого, преступного, но общества.

Научная психологическая школа А. В. Петровского, являющаяся теоретико-методологическим основанием как образовательной, так и научно-исследовательской деятельности факультета социальной психологии, за 13 с лишним лет его существования получила новый импульс своего развития, по меньшей мере, в связи с двумя обстоятельствами.

Во-первых, в научном плане идеи, высказанные и апробированные в конце XX в., получив подтверждение своей эвристичности и в начале XXI, были развернуты сотрудниками факультета в новых поисковых научных направлениях и на новых предметно-проблемных полях. Так, на базе теории деятельностного опосредствования и концепции персонализации была разработана и апробирована в реальной экспериментатике концептуальная модель зарождения, формирования, развития и реализации отношений авторитетности в контактных группах разного типа, позволяющая, с одной стороны, диагностировать степень интенсивности и насыщенности отношений межличностной значимости, а с другой — определять качественный уровень их сформированности как в сообществе в целом, так и в конкретной диаде «индивид как источник информации», «индивид как референтное лицо», «индивид как авторитетное лицо». Эвристичность этой модели и в теоретическом, и в собственно экспериментальном плане была

подтверждена применительно к группам разного уровня социально-психологического развития и к организациям разного типа и профессиональной направленности. Основные идеи теории деятельностного опосредствования и концепции персонализации были системно экстраполированы сотрудниками факультета социальной психологии МГППУ в сферу психологии управления и в область этнопсихологической проблематики. На базе реальной экспериментатики и результатов интерпретации наработанной эмпирики было четко показано, что социально-психологические феномены организационной культуры не могут быть ни адекватно выявлены, ни в дальнейшем психологически полноценно описаны и поняты без учета таких переменных, как уровень социально-психологического развития организации и характер именно личностной задачи, на которую акцентированно ориентированы члены конкретного сообщества. Немаловажного содержательного продвижения удалось достичь, опираясь на базовые положения теории деятельностного опосредствования и концепции персонализации, и в такой крайне актуальной сегодня области, как исследование феномена идентичности (этнической, личностной, гендерной, профессиональной и др.). Так, в частности, однозначно доказано, что определить, насколько в социальном и личностном плане достигнута адекватная идентичность, возможно лишь при учете все тех же переменных, а именно: степени реалистичности удовлетворения социогенной потребности «быть личностью» и уровня социально-психологического развития конкретного референтного

для индивида сообщества. В целом именно в логике подходов к пониманию группы и личности, содержащихся и разрабатываемых в рамках научной психологической школы А. В. Петровского, в течение последних 13 лет сотрудниками и аспирантами факультета социальной психологии МГППУ было защищено около 40 докторских и кандидатских диссертаций, опубликовано около 500 статей в сборниках научных трудов, в ведущих научных, научно-методических и научно-популярных журналах. Среди них — исследования **А. В. Петровского** (*Петровский А. В. Психология и время*. Спб., 2007, и др.), **М. Ю. Кондратьева** (*Кондратьев М. Ю. Подросток в замкнутом круге общения*. М.; Воронеж, 1998; *Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений*. Спб., 2005; *Социальная психология*. Словарь / Под ред. М. Ю. Кондратьева // *Психологический лексикон: В 6 т.* / Под ред. А. В. Петровского. М., 2005; *Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М. Психология отношений межличностной значимости*. М., 2006; *Кондратьев М. Ю. Социальный психолог в общеобразовательном учреждении*. М., 2007; *Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика*. М., 2007; *Кондратьев М. Ю. Социальная психология в образовании*. М., 2008; *Антология социальной психологии возраста* / Под ред. М. Ю. Кондратьева. М., 2010; *Социально-психологические проблемы образования: Вопросы теории и практики: Сб. науч. трудов. Вып. 1–8* / Под ред. М. Ю. Кондратьева. М., 2001–2010 и др.), **В. А. Ильина** (*Ильин В. А. Археология детства*. М., 2001; *Ильин В. А. Социально-психологичес-*

кие основы командообразования: методология и базовые техники. М.; Воронеж, 2005; Ильин В. А. Тенденции психосоциального развития российского общества. Уфа, 2008 и др.), **О. Б. Крушельницкой** (*Крушельницкая О. Б.* Подросток в системе референтных отношений. М., 2007 и др.), **А. В. Погодиной** (*Погодина А. В.* Социально-психологическое обеспечение формирования и развития организационной культуры. М., 2010 и др.), **Н. Н. Толстых** (*Толстых Н. Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск; М., 2010 и др.), **О. В. Хухлаевой** (*Хухлаева О. В.* Этнопедагогика: социализация детей и подростков в традиционной культуре. М., 2010; *Хухлаева О. В.* Кризисы взрослой жизни. М., 2009 и др.), **Л. Б. Шнейдер** (*Шнейдер Л. Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007; *Шнейдер Л. Б.* и др. Социальные и личностные последствия употребления психоактивных веществ в подростковой и молодежной среде. М., 2010; *Шнейдер Л. Б.* и др. Социально-психологические особенности национально-менталитета. М., 2009; *Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность. М., 2001 и др.) и многих других преподавателей и сотрудников факультета социальной психологии МГППУ.

Во-вторых, научная психологическая школа А. В. Петровского до приобретения ею естественным путем статуса научной школы именно образовательного учреждения развивалась в рамках, что называется, академической науки. Не случайно эта научная школа была одной из базовых в Психологическом институте РАО. Статус же научной психологической школы в реально функционирующем

значительном по своим размерам и объемам собственно образовательной деятельности университете придавал научным разработкам жестко определенную практикоориентированную направленность, привязанную при этом к возможности и необходимости реальной апробации в условиях образовательного процесса в современном вузе. С одной стороны, подобная ситуация позволила еще раз отточить эвристичность основных научных позиций на «оселке» реальной образовательной практики, а с другой — добиться твердой теоретико-научной обоснованности тех учебных программ, которые обеспечивают на должном уровне профессиональную подготовку магистров, бакалавров и специалистов-психологов, которые напрямую в рамках своей профессиональной деятельности связаны с обеспечением эффективности образовательного процесса в таком гипермегаполисе, как Москва. Возможность подготовить профессионально грамотных школьных психологов для психолого-коррекционной, психолого-экспертной, психолого-диагностической, психолого-исследовательской и психолого-поддерживающе-сопроводительной работы по специализациям «Социальная психология» (профессор О. Б. Крушельницкая), «Социальная психология развития» (профессор Н. Н. Толстых), «Этнопсихология» (профессор О. Е. Хухлаев), «Психология управления» (профессор А. В. Погодина) (а именно подобные специализации в рамках специальности «Психология» обеспечиваются на факультете социальной психологии МГППУ) позволяет существование в качестве базовой научной школы данного факультета именно научной психологической школы А. В. Петровского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зозуль В. А. Психологические особенности авторитета подчиненного в управленческой деятельности органов внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1979.
2. Индивидуальность педагога и формирование личности школьников / Под ред. А. В. Петровского и др. Даугавпилс, 1988.
3. Кондратьев М. Ю. Слагаемые авторитета. М., 1988.
4. Кондратьев М. Ю. Социальная психология в образовании. М., 2008.
5. Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб., 2005.
6. Кондратьев М. Ю. Социальный психолог в общеобразовательном учреждении. М., 2007.
7. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
8. Кондратьев М. Ю., Кондратьев Ю. М. Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
9. Педагогическое взаимодействие: Психологический аспект / Под ред. А. В. Петровского и др. М., 1990.
10. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982.
11. Петровский А. В. Психология и время. СПб., 2007.
12. Петровский А. В. Развитие личности в системе межличностных отношений // Социальная психология. М., 1987.
13. Петровский А. В. Трехфакторная модель «значимого другого» // Вопросы психологии. 1991. № 1.
14. Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3.
15. Петровский В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4.
16. Петровский В. А. Системно-деятельностный подход к личности: концепция персонализации // Психология развивающейся личности. М., 1987.
17. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979.
18. Психология развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского. М., 1987.
19. Социальная психология малых групп: Материалы 1-й Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти проф. А. В. Петровского. М., 2009.
20. Щедрина Е. В. Значимый круг общения и способы его экспериментального выявления // Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. М., 1975.
21. Щедрина Е. В. Исследование явлений референтности в системе межличностных отношений: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1979.

About A. V. Petrovskiy's Academic School of Psychology in the Moscow State University of Psychology and Education

M. Y. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, dean of the Social psychology faculty of the Moscow State University of Psychology and Education

The article is devoted to an informative characteristic of the A. V. Petrovskiy's academic school of psychology in the Moscow State University of Psychology and Education, its theoretical and methodological foundations, research work and educational process at the department of social psychology and academic activity of a significantly broad "unseen college" of A. V. Petrovskiy's academic school. Key conceptual positions of activity mediation of group interpersonal relationships theory, personalization concept, socio-psychological models of person's inclusion into a reference group and person's ascension to its social maturity, three-factor model of "significant other", are consistently reviewed in the article. These theoretical schemes and conceptualized models, in the first place, form the real potential of heuristicity of A. V. Petrovskiy's academic school of psychology. In the article's conclusion it is briefly proved that today in the Moscow State University of Psychology and Education A. V. Petrovskiy's academic school of psychology keeps gaining its heuristicity and provides both research and educational efficiency of a prominent and modern research team.

Keywords: *academic school of psychology, stratometric concept, activity mediation of group interpersonal relationships theory, personalization concept, socio-psychological models of person's inclusion into a reference group and person's ascension to its social maturity, three-factor model of "significant other".*

REFERENCES

1. Zozul' V. A. Psihologicheskie osobennosti avtoriteta podchinennogo v upravlencheskoi deyatel'nosti organov vnutrennih del: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1979.
2. Individual'nost' pedagoga i formirovanie lichnosti shkol'nikov / Pod red. A. V. Petrovskogo i dr. Daugavpils, 1988.
3. Kondratyev M. Yu. Slagaemye avtoriteta. M., 1988.
4. Kondratyev M. Yu. Social'naya psihologiya v obrazovanii. M., 2008.
5. Kondratyev M. Yu. Social'naya psihologiya zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdenii. SPb., 2005.
6. Kondratyev M. Yu. Social'nyi psiholog v obsheobrazovatel'nom uchrezhdenii. M., 2007.
7. Kondratyev M. Yu., Il'in V. A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.
8. Kondratyev M. Yu., Kondratyev Yu. M. Psihologiya otnoshenii mezhlichnostnoi znachimosti. M., 2006.

9. Pedagogicheskoe vzaimodeistvie: Psihologicheskii aspekt / Pod red. A. V. Petrovskogo i dr. M., 1990.
10. *Petrovskii A. V.* Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv. M., 1982.
11. *Petrovskii A. V.* Psihologiya i vremya. SPb., 2007.
12. *Petrovskii A. V.* Razvitie lichnosti v sisteme mezhlichnostnyh otnoshenii // Social'naya psihologiya. M., 1987.
13. *Petrovskii A. V.* Trehfaktornaya model' «znachimogo drugogo» // Voprosy psihologii. 1991. № 1.
14. *Petrovskii A. V., Petrovskii V. A.* Individ i ego potrebnost' byt' lichnost'yu // Voprosy filosofii. 1982. № 3.
15. *Petrovskii V. A.* Princip otrazhennoi sub'ektnosti v psihologicheskom issledovanii lichnosti // Voprosy psihologii. 1985. № 4.
16. *Petrovskii V. A.* Sistemno-deyatel'nostnyi podhod k lichnosti: koncepciya personalizacii // Psihologiya razvivayusheysya lichnosti. M., 1987.
17. Psihologicheskaya teoriya kollektiva / Pod red. A. V. Petrovskogo. M., 1979.
18. Psihologiya razvivayusheysya lichnosti / Pod red. A. V. Petrovskogo. M., 1987.
19. Social'naya psihologiya malyh grupp: Materialy 1-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashennoi pamyati prof. A. V. Petrovskogo. M., 2009.
20. *Shedrina E. V.* Znachimyi krug obsheniya i sposoby ego eksperimental'nogo vyyavleniya // Social'no-psihologicheskie problemy formirovaniya lichnosti i uchebno-vospitatel'nogo kollektiva. M., 1975.
21. *Shedrina E. V.* Issledovanie yavlenii referentnosti v sisteme mezhlichnostnyh otnoshenii: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. M., 1979.